

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Религиозность — иначе говоря, потребность верить в наличие неких «сверхъестественных» сил, не обязательно высших, но способных воздействовать на человеческие мысли и поступки — была на первом Всемирном Конгрессе по психотерапии (Вена, 1996) объявлена «фундаментальной человеческой функцией». Конечно, следует принимать в расчет то обстоятельство, что слово «религиозность» употребляется здесь в очень широком, почти обезличенном смысле: это не приверженность тому или иному институционализованному вероучению, не соблюдение установленных догматов как таковых, а всего-навсего некое общее ощущение «нуминозной», как выражался К. Г. Юнг, сути бытия — словом, такое состояние души, такое мировоззрение, которое антрополог М. Энгельке охарактеризовал как *ambient religiosity* (данное словосочетание можно перевести как «ощущение религиозности в мире» или как «эмбиент-религиозность», по аналогии с одноименным стилем электронной музыки). Тем не менее, религиозность, потребность и желание верить в «потустороннее», действительно признается важной составляющей человеческой природы, а исследованием этой составляющей сегодня занимаются многие науки о человеке — от традиционных теологии и философии до антропологии религии и даже физики.

Разумеется, пройти мимо религиозности не могла — при своих притязаниях на познание человека и его «темных» и «светлых» сторон — и психология. Пионером психологиче-

ского изучения религиозности выступил, пожалуй, Ф. Ницше, сам себя именовавший «первым психологом» и громогласно объявивший, будто Бог умер, а все прочее на свете — «человеческое, слишком человеческое». А затем в «сокровенное» пространство человеческой веры и потребности в вере вторгся скандальный психоанализ, детище знаменитого венского психиатра З. Фрейда.

Не будет преувеличением сказать, что никакой другой раздел фрейдовской теории — за исключением, разумеется, учения о сексуальности — не вызывал столько противоречивых оценок и страстной полемики. При этом сам Фрейд, остро интересуясь религией и религиозностью на протяжении всей своей долгой научной и практической карьеры, не дал сколько-нибудь однозначного определения религии: он называл ее то «проецированной во внешний мир психологией», то «сублимированным продуктом сексуальных влечений», то «всеобщим неврозом навязчивых состояний», то «пережитком психического инфантилизма», то «коллективной иллюзией». Однако подобное разнообразие определений ничуть не мешало ему принимать религиозность за данность, которую надлежит учитывать и которая подлежит анализу наряду с прочими особенностями человеческого характера и мировоззрения. Именно этот факт и обеспечил фрейдовским взглядам на религию и религиозность место в истории изучения данного предмета: даже современная антропология религии, при всей своей рациональности и при всем стремлении к иным объяснительным моделям, признает за Фрейдом право считаться одним из основоположников научного осмысления религиозности.

В настоящий том включены работы Фрейда, имеющие отношение к религиозной тематике и охватывающие промежуток с 1919-го по 1940 год. Это и малые статьи конкретной направленности, и большие исследовательские работы, и предисловия к трудам других ученых, а также важнейшие для самого Фрейда и для истории изучения вопроса работы «Будущее одной иллюзии», «Болезнь культуры» и «Моисей и монотеизм».

К. Ковешников

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ Т. РЕЙКА «ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ РЕЛИГИИ»¹ (1919)

Психоанализ появился на свет по медицинской необходимости. Причиной его появления была потребность оказать содействие невротическим пациентам, которые не могли найти облегчения ни в предписанном покое, ни в водолечении, ни в исцелении электричеством. Замечательное открытие Йозефа Брейера вселило надежду: чем понятнее для нас становится доселе неизведанное происхождение симптомов, тем существеннее помощь, которую мы можем оказать. Вследствие этого психоанализ, будучи первоначально сугубо медицинской процедурой, с первых своих шагов подразумевал исследование, выявление и раскрытие причинно-следственных связей, потаенных и крайне важных.

В своем дальнейшем развитии процедура постепенно отдалялась от изучения чисто соматических причин нервных заболеваний и со временем ушла настолько далеко, что врачи стали впадать в замешательство. Вместо телесной она все больше обращалась к умственной, или духовной, составляющей человеческой жизни, прилагалась к жизнедеятельности больных и здоровых, людей нормальных и даже сверхнормальных. Психоанализу приходилось изучать эмоции и страсти, прежде всего то чувство, которое не устают изображать и воспевать поэты, — чувство любви. Аналитики научились признавать силу воспоминаний, учитывать впечатления дет-

---

¹ Vorrede zu: Reik, Theodor. Probleme der Religionspsychologie. Также опубликовано посмертно в виде предисловия к американскому изданию работы Т. Рейка («Ritual: Four Psychoanalytic Studies», 1946). — *Примеч. ред.* [Т. Рейк — австрийский психоаналитик, ученик Фрейда, один из пионеров психоанализа в США (после эмиграции). — *Примеч. пер.*]

ских лет пациента и принимать во внимание воздействие желаний, искажающих человеческие суждения и устанавливающих жесткие пределы нашим свершениям.

Некоторое время казалось, будто психоанализу суждено влиться в общее русло психологии, будто он не сможет разъяснить отличия психической деятельности больных от таковой у нормальных людей. Однако в ходе своего развития психоанализ натолкнулся на сновидения, эти аномальные душевные плоды, создаваемые нормальными людьми при регулярно повторяемых физиологических условиях. При изучении сновидений было установлено, что в бессознательных психических процессах имеется общая основа, средоточие и источник высших и низших психических побуждений; она-то и порождает как вполне нормальные, так и откровенно патологические, болезненные душевные движения. Новая картина работы человеческого ума мало-помалу делалась все яснее и полнее. В ней теперь присутствовали смутные инстинктивные силы органического происхождения, что стремились к предопределенным целям, а над ними располагалась инстанция, объединяющая более высокоорганизованные умственные образования (приобретенные в ходе развития человечества на протяжении тысячелетий истории); эта инстанция частично подчинила себе инстинктивные побуждения, сумела их упорядочить или даже перенаправить на более возвышенные устремления, обуздала и принялась распределять их энергию по собственному усмотрению. При этом указанная высшая инстанция, известная нам как эго, отвергает другую часть тех же самых элементарных инстинктивных побуждений как бесполезную, поскольку их невозможно совместить с органическим единством индивида — или поскольку они противоречат культурным приоритетам индивида. Не в состоянии уничтожить эти необузданные душевные позывы, эго отворачивается от них, позволяет им пребывать на низшем психическом уровне, защищается от них многочисленными защитными заслонами — или норовит выстроить с ними взаимовыгодные отношения посредством замещения. Эти влечения, павшие жертвой вытеснения — неукротимые, неуничтожимые, всячески сдерживаемые и не

подпускаемые к сознанию, — составляют, заодно с их примитивными психическими представлениями, этакий подземный мир психики, истинное ядро бессознательного; они всегда готовы навязать разуму свои требования и всеми правдами и неправдами прокладывают путь к удовлетворению вытесненных страстей. Этим-то и объясняются неустойчивость личности, воспроизведение в сновидениях разнообразных запретных и вытесненных содержаний и склонность к неврозам и психозам, которая берет верх, едва равновесие между эго и вытесненным материалом сдвигается в сторону последнего.

Это краткое изложение призвано показать, что невозможно ограничить психоаналитический взгляд на жизнь и труды человеческого разума областью сновидений и нервных расстройств. Если метод психоанализа притязает на истинность, то он должен быть в равной степени применим и к нормальным психическим событиям; даже высшие достижения человеческого духа должны быть связаны с факторами, которые выявляются при патологиях, — с вытеснением, с попытками подчинить себе бессознательное и с возможностями удовлетворения примитивных влечений. Так сформировалось непреодолимое искушение, в силу которого ученые полагали себя обязанными прилагать исследовательские подходы психоанализа к областям, далеким от психотерапии, — к различным наукам о духе. Более того, сама психоаналитическая практика настойчиво призывала к освоению новых территорий, поскольку было очевидно, что различные формы неврозов перекликаются, так сказать, с наиболее значительными достижениями нашей культуры и ее лучшими образцами. Истерики, если угодно, суть художники воображения, пусть они выражают свои фантазии преимущественно миметически и нисколько не стремятся сделать их понятными для других людей; обряды и запреты у больных неврозом навязчивых состояний заставляют предполагать, что эти пациенты исправно творят собственную, персональную религию; а бред параноиков имеет неприятное внешнее сходство (и внутреннее родство) с нашими философскими системами. Напрашивается вывод, что эти пациенты неким асоциальным об-

разом предпринимают попытки разрешить свои конфликты и удовлетворить свои насущные потребности; когда же такие попытки осуществляются способами, приемлемыми для большинства, они получают известность как поэзия, религия и философия.

В 1913 году Отто Ранк и Ганс Сакс в чрезвычайно интересной работе¹ объединили результаты, достигнутые к тому времени в применении психоанализа к наукам о духе. Наиболее доступными для анализа среди этих наук оказались, насколько можно судить, мифология и история литературы и религии. Увы, пока не удалось отыскать окончательную формулу, которая позволила бы мифам занять подобающее место в этом уравнении. Отто Ранк в работе, посвященной инцестуальному комплексу (1912)² представил доказательства того удивительного факта, что выбор сюжета, особенно в драматических произведениях, определяется в первую очередь границами того явления, которое психоаналитики обозначают как «эдипов комплекс»³. Творчески воспроизводя этот комплекс — с разнообразными изменениями, искажениями и под множеством личин — драматург стремится выразить глубоко личное отношение к какой-либо аффективной теме. Именно при попытках справиться с эдиповым комплексом, то есть с аффективной установкой индивида применительно к семье или, в более узком смысле, к отцу и матери, отдельные невротики терпят неудачу, а потому этот комплекс чаще всего и оказывается ядром их болезни. Дело тут вовсе не в каком-то непостижимом для нас совпадении ряда элементов и условий; нет, отношение детей к собственным родителям отражает сугубо биологический факт: у людей юные проживают дли-

¹ Имеется в виду работа «Значение психоанализа для общественных наук» («Die Bedeutung der Psychoanalyse für die Geisteswissenschaften»). [О. Р а н к — австрийский психоаналитик, автор теории о «первичной травме рождения». Г. С а к с (Закс) — австрийский психоаналитик, ученик и сотрудник Фрейда. — *Примеч. пер.*]

² «Мотив инцеста в литературе и легенде». — *Примеч. ред.*

³ Введенное Фрейдом обозначение влечения ребенка к родителю противоположного пола; см. работы «Три очерка по теории сексуальности», «Тотем и табу», «Я и Оно». — *Примеч. пер., ред.*

тельный период зависимости и медленно достигают зрелости, а их способность любить подвергается в развитии многим испытаниям. Следовательно, преодоление эдипова комплекса совпадает с наиболее надежным способом освоения архаического (животного) наследия человечества. Да, в этом наследии заключены все силы, необходимые для последующего культурного развития личности, но их надлежит тщательно рассортировать и обуздать. Сами по себе остатки архаики непригодны для культурной общественной жизни в том виде, в каком они достаются индивиду по наследству.

В поисках отправной точки для психоаналитического рассмотрения религиозной жизни нужно сделать еще один шаг. Все то, что сегодня считается наследием индивида, ранее усваивалось и передавалось от поколения к поколению в длинной их веренице. Таким образом, эдипов комплекс тоже мог складываться поступательно; изучение предыстории современной психики позволит нам проследить ход его развития. Исследования доказывают, что в незапамятные времена семейная жизнь человека принципиально отличалась от знакомой нам сегодня. Это мнение подтверждается и наблюдениями за живущими ныне первобытными народами. Если изучить с точки зрения психоанализа весь накопленный по этому поводу доисторический и этнологический материал, мы получим неожиданно строгий результат, а именно, установим, что Бог-Отец некогда ходил по земле в телесном воплощении и отправлял верховную власть как вождь первобытной человеческой орды¹ — до тех пор, пока его сыновья не объединились против отца. Далее выясняется, что это преступное освобождение и отклики на него привели к становлению первых социальных связей, к введению основных нравственных ограничений и к принятию древнейшей формы религии — тотемизма. Позднейшие религии имеют сходное содержание, и, с одной стороны, жаждут стереть из памяти

---

¹ В литературе по общественным наукам конца XIX — начала XX столетия обозначение «первобытная орда» (Horde) получило довольно широкое распространение после публикации работы Фрейда «Тотем и табу», а сам Фрейд ссылаясь на рассуждения Ч. Дарвина об организации первобытного общества. — *Примеч. пер.*

следы этого преступления или его искупить, выдвигая иные способы противостояния отца и сыновей, а с другой стороны, они не могут избежать повторения убийства отца. Впрочем, отзвук этого чудовищного события, омрачившего весь ход развития рода человеческого, мы улавливаем и в мифах.

Эта гипотеза, основанная на наблюдениях Робертсона Смита¹ и развитая мною в работе «Тотем и табу», стала для Теодора Рейка исходным пунктом его исследований по проблемам психологии религии. В соответствии с психоаналитической процедурой исследования начинаются с необъяснимых по сей день подробностей религиозной жизни, и посредством их разъяснения мы приходим к фундаментальным положениям вероучений и конечным целям религий; кроме того, автор постоянно подчеркивает преемственность между доисторическим человеком и современными примитивными народами, а также неразрывную связь между плодами культуры и замещающими образованиями у невротиков. В заключение хочу особо обратить внимание читателя на авторское введение к тексту и выразить уверенность в том, что эта работа удостоится заслуженного одобрения специалистов в той области знаний, которой она посвящена.

---

¹ У. Робертсон-Смит — британский востоковед, филолог и библиист, автор фундаментального исследования «Религия семитских народов» (1889). — *Примеч. пер.*

ПСИХОЛОГИЯ МАСС И АНАЛИЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО «Я»

(1921)

I

ВВЕДЕНИЕ

Разница между индивидуальной психологией и психологией социальной (психологией масс), представляющаяся, на первый взгляд, весьма значительной, при внимательном рассмотрении оказывается вовсе не такой уж существенной. Индивидуальная психология выводит свои заключения из наблюдений над отдельным человеком и исследует, каким образом данный человек стремится удовлетворить свои влечения, но надо отдавать себе отчет в том, что лишь в исключительно редких случаях и лишь при определенных условиях можно в этих исследованиях отвлечься от отношений исследуемого человека к другим индивидам. В душевной жизни индивида другой — и это правило — выступает в роли образца, объекта, помощника или противника, и, следовательно, индивидуальная психология изначально является, одновременно, и социальной психологией — в таком расширительном, но вполне оправданном толковании.

Отношение индивида к родителям, братьям и сестрам, к предмету любви, к врачу, а также все отношения, каковые до сих пор были предметом психоаналитического исследования, могут претендовать на трактовку их как социальных феноменов, и быть, таким образом, противопоставлены другим феноменам, которые мы можем назвать нарциссическими, то есть феноменами, при которых удовлетворение влечений ускользает от влияния других людей или протекает без взаимодействия с ними. Противоположность между социальными и нарциссическими — Блейлер,

вероятно, назвал бы их «аутистическими» — психическими актами находится, следовательно, внутри области индивидуальной психологии и не может быть использована для того, чтобы отграничить ее от социальной психологии (или от психологии масс).

В упомянутых отношениях к родителям, братьям и сестрам, к возлюбленным, друзьям и врачу индивид всегда испытывает влияние очень ограниченного числа лиц, из которых каждое имеет для него огромное значение. В настоящее время принято, говоря о социальной психологии или психологии масс, отвлекаться от этих отношений и выделять в качестве предмета исследования одновременное влияние на индивида большого числа лиц, с которыми он связан в каком-то одном отношении, в то время как во многих других отношениях они остаются ему чуждыми. Социальная психология, или психология масс, занимается, таким образом, отдельным человеком как членом племени, народа, касты, сословия, учреждения или как составной части человеческой толпы, возникшей и организованной в известное время для достижения какой-то конкретной цели. После того, как эта естественная связь разрывалась, было логично рассматривать возникающие в этих особых условиях явления как выражение особого, не сводимого к более простым формам влечения, социального влечения — *herd instinct, group mind* (стадного инстинкта, группового разума, [англ.]), — которые не возникают в других условиях. Против этого можно возразить, что трудно представить себе, будто сама по себе численность может иметь такое большое значение, что она может сама по себе пробудить в человеческой душе новое, дремавшее до той поры влечение. Мы обратим внимание на две другие возможности: социальное влечение не является первичным, элементарным или неразложимым, и начало его формирования находится в пределах более тесного круга, например в семье.

Психология масс находится пока в самом зачаточном состоянии и обнимает необозримое множество отдельных, частных проблем и ставит перед исследователем бесчисленные задачи, которые до сих пор даже отчетливо не сформулированы. Одна только классификация различных форм организации масс и описание присущих им психических феноме-

нов требует огромного числа наблюдений и их обобщения и представления, каковые содержатся в достаточно богатой литературе по этому вопросу. Если сравнить скромный объем данной книжки с огромным объемом литературы, посвященной психологии масс, то нетрудно понять, что в ней будут рассмотрены лишь немногие разделы всего материала. В самом деле, здесь будут рассмотрены лишь те вопросы, которые могут вызвать особый интерес у психоаналитика и заставить его углубленно их исследовать.

II

ДУША МАСС В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЛЕБОНА¹

Мне представляется разумным и более целесообразным не давать определение души масс, а начать с указания на область ее проявления и извлечь из нее наиболее заметные и характерные факты, с которых и можно будет начать исследование. Мы достигнем обеих целей, если воспользуемся отрывками из пользующейся заслуженной известностью книги Гюстава Лебона «Психология народов и масс».

Еще раз уясним себе суть дела: если психология, целью которой является изучение наклонностей, влечений, мотивов, взглядов индивида, объясняющих его действия и отношение к своему ближайшему окружению, до конца решит эту задачу и сумеет объяснить все эти взаимоотношения и взаимозависимости, то она неизбежно столкнется с новой, не разрешенной проблемой. Психологии придется объяснить поразительный факт: ставший понятным ей индивид, оказавшись в определенных условиях, начинает абсолютно по-иному чувствовать, мыслить и действовать, то есть вести себя не так, как мы от него ожидаем, и этим условием является присоединение индивида к человеческой толпе, обладающей свойствами некой «психологической массы». Но что представляет собой эта «масса», каким образом приобретает она способность так кардинально и решительно влиять на ду-

¹ У Лебона в книге используется термин «душа толпы». — *Примеч. ред.*